

САША ХЕЛЛМЕЙСТЕР

**БОЛЬШАЯ ОХОТА
КРИКА**

МОСКВА

УДК821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х36

Иллюстрация на переплете и внутренние иллюстрации — Nicta
Иллюстрации в блоке текста *Евгении Лукомской*

Хеллмейстер, Саша.

Х36 Большая охота Крика / Саша Хеллмейстер. — Москва : Эксмо, 2026. — 432 с. — (Коллекция странных дел).

ISBN 978-5-04-205003-9

Серийный убийца по прозвищу Крик взывает с жителей Скарборо последнюю кровавую плату. Вместе с Лесли Клайд он готовится к ритуалу, который навсегда свяжет их особыми узами и спасет от преследования жестокой богини Иктоми.

Однако Иктоми не желает отпустить маньяка и его возлюбленную. В мире Овхары, где оживают мрачные индейские легенды, охотник и жертва должны встретиться вновь, чтобы сыграть в игру на выживание и выбраться из бесконечного цикла убийств.

Теперь Крик и Лесли не помнят друг друга и того, что их связывало. Он знает лишь, что должен убить ее, а ей приходится бежать, чтобы спастись от его ножа. Но чтобы победить, им надо полюбить друг друга вновь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-205003-9

© Хеллмейстер С., 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Плейлист

- 00 | Join Me — HIM
- 01 | Gone With The Sin — HIM
- 02 | Half God Half Devil — In This Moment
- 03 | Somewhere — Scream Silence
- 04 | Disappear — Starset
- 05 | Dead Valentine — Hell Boulevard
- 06 | Elegy — Scream Silence
- 07 | Туман и Пепел — EhoSevera
- 08 | Бабочки в животе — EhoSevera
- 09 | Don't Tell Me How To Live — Kid Rock, Monster Truck
- 10 | Timeless — Guitar Slowed — Bankai, Slatti, Avelinmymood
- 11 | Wicked Game — HIM
- 12 | Bodies — Drowning Pool
- 13 | Livin' In A World Without You — The Rasmus
- 14 | Use Your Fist And Not Your Mouth — Marilyn Manson
- 15 | Chihiro's Arc (Kagurabachi) — Ryutqc
- 16 | Fragment (Slowed + Reverb) — Ocean Pegas
- 17 | Sister Of Charity — The 69 Eyes
- 18 | Click Clack — NIGYL
- 19 | WASTE — KXLLSWXTCH
- 20 | The Maere — Ofdrykkja

- 21 | Killaz From Da NorthRaw — DJ PLAYASTATION
- 22 | Somebody — Memphis May Fire
- 23 | Love You To Death — STARSET
- 24 | Adrenaline — Zero 9:36
- 25 | The Harder We Fall — Ana Johnson
- 26 | I Need My Girl — The National
- 27 | Wayllunakusun — Alborada del Inka
- 28 | White Dress — Lana Del Rey
- 29 | Thunder — SATV Music
- 30 | Church — Fall Out Boy
- 31 | Soul of a man — Steve Stern
- 32 | Where Is My Love — My Indigo
- 33 | Let Us Burn — Within Temptation
- 34 | Great Spirit — Lakota Lullaby
- 35 | Bullet With a Name — Nonpoint
- 36 | Second Chance — Darkhaus
- 37 | Angels — Within Temptation
- 38 | Almost Martyrs — Alex & Jake Parker
- 39 | Supra Carma — Samael
- 40 | Die For You — Starset

ПРОЛОГ

Почти весь полет Виктор Крейн проспал у себя в кресле. Лесли досталось место возле окна: ну как досталось, он его уступил. Спать она не хотела, потому тихонько читала томик в мягкой обложке, потрепанный и старый, и никому не нужный до нее: поблекшие индейцы с почти стертymi от времени лицами, в перьях, с колчанами, ружьями и копьями смотрели из седел, под ними были пестрые лошади. Это был Фенимор Купер, «Последний из могикан». Лесли немного удивилась про себя, почему прежде никогда не читала Купера — будто раньше ее это совсем не интересовало. Раньше, но не сейчас.

Забутые хозяева забытой земли, которая теперь принадлежала кому-то другому: много кому, только не им. Вик заплатил за книжку доллар и двадцать центов: строго говоря, она стояла даже не на полке в магазинчике, где они купили бутылку воды и пару безделушек, а так, лежала среди других бросовых книжонк в картонной коробке возле запотевшего холодильника. Продавец подал им ее и два ловца снов, которые понравились Лесли. Они были совсем небольшими, украшенными один бирюзой, другой яшмой. Лесли восторгалась, она хотела привезти ловцов домой, маме и Хэлен.

— Неправильно собраны, — вдруг сказал Виктор, не подымая глаз.

Продавец сощурился, поглядел на него. Немолодой мужчина в очках, белый, в клетчатой рубашке и шортах. Он с неприязнью пожал плечами:

— Это почему же?

Виктор заплатил, убрал бумажник в задний карман джинсов и, взяв крафтовый пакет, в каких школьникам кладут сэндвичи с собой — только у них там было два ловца, ледяная бутылка воды и книжка с потемневшими смуглыми лицами, — пояснил:

— Центр ловца закрывать нельзя, а там у вас камень. Смысл ловца в том, что кошмары, пройдя через его сердце, застревают в паутине, а хорошие сны...

— Молодой человек, — прервал продавец. — Не морочьте мне голову. Какие камни, какие сны? Вам что-то не нравится? Я верну деньги, пожалуйста.

Вик усмехнулся и покачал головой. Лесли виновато улыбнулась, глядя на возлюбленного.

— Нет, не нужно, — добродушно сказал он и тихо посмотрел на нее в ответ. — Они же красивые.

Люди ненавидели таких как он, но продавали ловцы снов, придуманные его народом. Люди ненавидели таких как он, но гордились вертолетами «Апач» и боевыми ракетами «Томагавк». Совершенно никто не хотел переименовать Манхэттен, хотя название восходило к языку племени поухатанов. Они искони жили на земле, которая после их смерти стоила миллиарды долларов. Все порядочные налогоплательщики Америки спокойно обретались на землях Массачусетса, Дакоты, Миннесоты, Мичигана, Орегона, Иллинойса, Кентукки, Огайо, Небраски, Теннесси, Алабамы, и их не коробило с гордостью говорить: «Я из Небраски!», хотя, согласно социальному голосованию, большинством граждан коренные американцы считались неблагополучным слоем населения, третьего сорта людьми, и вообще, они злились на всех тех, кто не хотели отказываться от того, кем были когда-то и остались до сих пор.

Но двадцать пять штатов из пятидесяти носят индейские названия. Их имена проистекают из языков сиу-лакота, кри, оджибве, алгонкинов, ирокезов, делаваров. Граждане Америки ищут свободы, успеха, лучшей жизни на землях, которые им не принадлежали и толком принадлежать никогда не будут, пока живы те, кто помнит. Настоящие ее хозяева с ненавистью и непониманием смотрят на гору Рашмор, священную гору священной земли Блэк-Хиллс, которая для них все равно что для истовых католиков кафедральный собор, и лица четырех президентов, высеченные в величественных скалах, где прежде курился дым в честь их предков, где они возносили молитвы своим богам, приводят их в бешенство. Это не просто насмешка, скорее плевков в лицо тех, кому правительство клялось не забирать Блэк-Хиллс после

того, как поняли, что в кровавой войне за свою святыню индейцы будут сражаться до конца: но планы изменились, когда там нашли золото и признали, что земля слишком богата, чтобы отдавать ее краснокожим. Иногда благородные белые люди могут и нарушать собственные обещания, данные всего лишь дикарям. В конце концов, кто они такие? Умирающий народ, который только мешает процветать счастливому и обеспеченному рядовому американцу.

Глядя на все это, помня все это, Виктор Крейн думал, как иронично — продать индейцу ловец снов, сплетенный черт-те как. В его народе значение имела даже форма сети. У лакота и ирокезов она имела вид паутины, а у кри и тех, кто жил севернее, — рыбацкой сети. Круг плели из ивы, сеть — из грубых нитей или оленьих жил. Ловцы украшали ракушками, жемчугом, камушками, перьями. Их делали на счастье и для защиты самым близким, а не для того, чтобы придать комнате стильный вид. Вик помнил, как говорила Адсила, когда сгибалась смуглыми морщинистыми руками, еще такими сильными, ивовую гибкую ветвь:

— Начало круга — рождение, конец — смерть. Мы проходим этот путь, сплетенный паутиной судьбы, которую предрешают нам боги. Круг замкнется, как замыкается цикл самой жизни. Тогда все плохое запутается в сети великого паука Иктоми¹, чтобы уйти с рассветом, а хорошее проскользнет в самое сердце ловца... И останется здесь. Тоже в сердце. Но уже твоим.

Ловцы были хрупкими и ехали в ручной клади, в рюкзаке Лесли. Вик сидел в кресле самолета и сонно клевал носом, пока наконец не уснул. Он слышал, как шелестят страницы книги, как дышит его Лесли, как она иногда возится, чтобы поменять позу, и задевает его коленом или плечом, — и Вика охватывал приятный покой. Ее дыхание было лучше всего на свете. У скольких людей он отнимал возможность дышать? С ними он навсегда связал себя смертью, с ней — жизнью. Было невыносимо думать, что ее тело потеряет тепло и мягкость, грудь перестанет медленно, спокойно подниматься, щеки поблекнут, кожа побледнеет, члены охватит трупным оцепенением. Уже много месяцев ему снился один и тот же кошмар: она лежала на палой листве среди леса, и издали ему казалось — она просто спит, свернувшись между древесных корней. Он подходил ближе, и сердце заходило от боли. Темнело в глазах,

¹ Иктоми — паук-трикстер в мифологии сиу-дакотов. Иктоми выступал как сеятель раздоров и вместе с тем культурный герой, изобретатель человеческой речи, покровитель наук, создатель ловца снов. Мог принимать любой облик.

мир терял цвет, пульс стучал в висках и горле: Вик знал, она была мертва, мертва, и в этом виноват только он сам. Он с дрожью склонялся над ней, не в силах прикоснуться. В тот миг его душа отлетала от тела, точно он сам был мертвец, но уйти в те светлые дали, которые предназначались его Лесли, он не мог — слишком много крови было на руках. Смерть разделяла их навеки. Ее определяла к свету. Его — во тьму. Он смотрел в ее лицо и не мог насмотреться. Ему жгло веки и щеки, будто голову сунули в раскаленные угли и держали силой, как тогда, в ту страшную ночь среди трейлеров, когда кругом был огонь. Последним в тех кошмарах он видел, как размыкались ее мертвые губы, и изо рта выползал чудовищно большой, размером едва ли меньше его, Виктора, кулака, черный паук...

Тогда Вик вскрикивал, тяжело дыша, и вскакивал, и садился в постели. Сердце стучало у него во всем теле, руки охватывал тремор, он был весь в слезах. Он плакал, потому что никогда никем так не дорожил, как ею, — и когда ее отнимали, лучше было бы, чтобы отняли его собственную жизнь. Однако это было слишком просто, слишком эгоистично: умереть самому и не видеть, что может стать с Лесли. Гораздо сложнее жить ради того, кого так сильно любишь, чтобы беречь его, покуда дышишь, и однажды все-таки неизбежно потерять.

Он вздрагивал в том сне, сне в воздухе между Техасом и штатом Мэн, и Лесли иногда поглаживала его смуглое запястье, лежавшее на ручке кресла. Когда она касалась его так, чувствовала, как он успокаивался, будто одно ее присутствие могло отогнать любую его тревогу, — и удивлялась, как менялись его черты, становясь из жестких и напряженных мягкими, близкими, родными. Самолет легонько качнуло. Вик уронил голову себе на грудь. Медленно его руки сжались в кулаки. Под веками быстро зашевелились глазные яблоки.

Он что-то видел. Он что-то проживал. Он был совсем не с ней, не здесь.

* * *

Небо в Охваре всегда казалось пасмурным: оно существовало на границе света и тьмы вечными сумерками, но звезд здесь не было, и Вакхтерон¹ тосковал по звездам.

Он любил смотреть на ночное небо и угадывать созвездия. Он не всегда понимал логику наименования, схожесть с тем, в честь

¹ Вакхтерон (*гуроны, ирокезы*) — Безмолвный Крик, Кричащий.

чего их называют, но быстро выучил карту звездного неба и мог ориентироваться по ней. В его душе была надежда, что люди, которые сделали больно ему и кому он сам принес много боли, очистились той кровью, которую он пролил, и вознеслись туда, даже если этого не заслуживали. Иногда он пытался вспомнить их имена, их лица, но не мог. Иногда что-то мелькало в его разуме, когда он отходил от заполошного бешенства охоты: картины прошлого, далекие и близкие, виделись как сквозь мутное стекло. Он помнил плач и собственную бессильную ярость. Он помнил взрывы и крики. Кто-то звал кого-то сержантом: он был на войне? Если да, то в какое время и где он служил? За кого он бился и с кем? Где-то в его памяти воздвиглись остовы сгоревших домов. Нет, не только домов обычных... но и трейлеров. Пахло дымом и гарью, и от запахов этих ему становилось плохо. Маленькие ладошки колотились в темное окно. Помнил крики — звали на помощь, а он не пришел. Помнил, как тащил из тела чужие кишки, будто кровавую гирлянду. Помнил, с каким остервенением потрошил то ли человека, то ли оленью тушу, и руки были скользкими от крови. Помнил мольбы о прощении и пощаде. Помнил, что жалость из него вырвали, и он остался с дырой в груди, сам выпотрошенный, и никого прощать не хотел. «Ты настоящий герой, сынок, немногие поступили бы так. Я напишу об этом в рапорте». Слова скользили словно эхо. Помнил тьму и танец, и белые лица кругом. Ее руки обвивали его шею. Ей приходилось прижиматься к нему очень близко, она была маленькой рядом с ним — он наклонялся. Она дрожала и трепетала в его ладонях: он был полон гнева и нежности тогда. «Кем бы ни был этот ублюдок, мы его найдем: никто о нем знать не должен, иначе проблемы у нас будут огромные, гораздо большие, чем если он пришьет кого-то еще». Алые полосы, белая маска. Потрескавшаяся поверхность. Ложное лицо¹...

Вакхтерон вздрогнул, когда услышал женский крик со стороны леса. Крик его встревожил и напомнил о статуэтке девушки, которую он вырезал — раз от раза вспоминая ее облик все лучше и детальнее. Он не хотел признаваться в этом, но думал о ней. Кто она такая и откуда он ее помнит?

Как если существовала бы цепь, протянувшаяся от его сердца к ее, кем бы та девушка ни была, — так цепь эта давила и сжи-

¹ Маски Ложных Лиц — ритуальные ирокезские маски, которые изображали духов, помощников людей. Маска была нужна не чтобы скрыть личность человека, а чтобы трансформировать надевшего ее человека в дух, воплощенный в этой маске.

мала с каждым днем все сильнее. Сначала тонкая, будто нить, она становилась вся тяжелее и весомее, и Вакхтерон порой растирал себе грудь и тяжело дышал, замирая на некоторое время, как человек, у которого что-то нестерпимо болит. Сегодня боль стала сильнее и серьезнее. Он отложил нож, посмотрел на небо, увидел птицу: ту самую, странного ворона. Задумавшись, Вакхтерон склонил голову набок, сам похожий на ворона. Ни одной эмоции не было на его старой маске, так плотно припавшей к лицу, точно она сама лицо это заменяла. Ворон кружил над лесом, там, куда Вакхтерону и другим охотникам из прерий путь был заказан. Зачем им в лес? Там убивают другие. Лучше оставить их в покое. Лучше заняться своим делом.

Дым ничего не сказал ему, хотя заметил, что он встревожен. Вакхтерон по-индейски сел, положил руки на колени и стал смотреть на кромку леса, туда, где что-то манило и звало его.

Наконец он не выдержал и порывисто поднялся. Мистер Буги вскинул темные брови.

— Куда ты?

— Хочу взглянуть, что там происходит, близ Кикапо, — сказал Вакхтерон и проверил томагавк в ножнах на бедре.

— Тебе сейчас было мало крови?

Их Жатва кончилась, а та, что велась в лесу, их не касалась. Дым с интересом вслушивался, но не встревал пока. Вакхтерон пожал плечами.

— Ну, допустим.

Буги дернул щекой и прошелся подальше от края обрыва — по древним, выбеленным ветром и временем костям исполина, на чьем теле они втроем обретались. Буги с Вакхтероном стали друзьями; оба знали это, не говоря громких слов, и знали, что могли друг другу доверять. Теперь же Буги казался раздосадованным.

— Я говорю правду, — тихо заметил Вакхтерон.

— Не в этом дело, брось, — поморщился Мистер Буги. — Я тебе верю, но ты сам не свой в последнее время. Ты все больше молчишь, и мысли в голове у тебя ворочаются неважные. Я вижу это и чувствую. Я не хочу, чтобы ты встрял в неприятности.

— Вроде каких?

— Вроде тех, которые тебя ждут, если ты разочаруешь Богиню.

Вакхтерон отвернулся, щелкнул языком. От своего он отступать не желал. Буги не выдержал, раскинул руки:

— И все же, зачем ты туда идешь?

— Я бы не стал выпытывать истинные намерения у того, кто о них говорить не хочет, — вдруг подметил всегда молчаливый Дым и затаился сигаретой.

Вахтерон усмехнулся. Помолчал. Затем поманил Мистера Буги к себе. Тот подошел ближе и навис над другом, уперев руки в бока.

— Хочу повидать кое-кого.

Он сказал это тихо, так, словно хотел сохранить в тайне лишь между ними тремя.

— Кого? — нахмурился Мистер Буги.

Дым молчал, курил себе и все щурился, думал о чем-то своем. Вахтерон не ответил. Только медленно вынул из кармана за ножнами вырезанную из дерева статуэтку и поднес ее к глазам, словно оценщик — дорогой камень. Наконец-то она получилась такой, как он хотел. Изгиб плавного женского тела, длинная шея и голова, откиннутая назад. Длинная коса скользила за ее спиной, пару прядей Вахтерон наметил на лице неглубокими бороздами, оставленными ножом. И, любуясь чертами, так запавшими ему в память, он сказал:

— Ту, с кем я прежде, подозреваю, был лично очень хорошо знаком.

* * *

Шло время, сменялись Жатвы, но не дни; здесь, в Овхаре¹, непрерывным потоком крови и гнева длились вечные сумерки, и в страшном этом мире мы были что заживо схороненными в братской могиле — без спасения, надежды или света, мы скорбели по себе, дожидаясь, когда первая горсть земли упадет сверху и все будет кончено.

После Палача я долго не могла прийти в себя: меня сковало слишком сильным страхом, идти в лес опять и опять, чтобы пройти через те же муки, было невыносимо — но куда деваться? Либо меня безвозвратно растерзают тах-тах-кле-ах², либо я попытаю счастья в борьбе за свободу.

Свобода... Все мы стремились к ней, толком не представляя, что будет, когда получим ее и получим ли вообще. Ни я, ни Майкл,

¹ О в х а р а (*ирокезы*) — буквально «тоннель», «полость в стволе огромного дерева», метафорически — переход между мирами в ритуальных свидениях. Потусторонний мир индейских богов и чудовищ.

² Т а х - т а х - к л е - а х — в мифологии чероки ведьмы-оборотни, огромные совы с лицами уродливых старух. Похищают людей и проглатывают их, после отрывивая погадки из человеческих костей.

ни Конни не знали, как отсюда выбраться, как не знали и те люди, которых мы изредка видели вдаль в лесу — явно одного с нами горестного положения, однако раз за разом все мы упрямо пытались выбраться из ловушки, в которую угодили. Тяжело, к слову, бороться за то, чего даже не помнишь: теряется определенная мотивация, и все усилия сводятся к простому желанию не погибнуть самым мучительным образом, только и всего.

Иногда, разведя огонь среди деревьев и камней, мы с ребятами мечтали, что в очередной раз умрем — и чудом очнемся у себя дома. Где, не знали, но там было бы хорошо и безопасно, и день был бы днем, а ночь была бы ночью, и над головой были бы солнце и звезды. Иногда мечтали, что исчезнем навсегда и перестанем испытывать боль, страх, повторяющиеся муки, которые нам дарили безысходность и отчаяние. Не знаю, какое из этих желаний было сильнее, но нам отказывали даже в добровольной гибели, и это было страшнее всего.

Между Жатвами я коротала минуты, задумчиво перебирая в пальцах тонкую алую ленту, ленту с потрепанными краями и поблекшую, вида самого обычного, но для меня — дороже золота и драгоценностей, потому что она была частицей мира, из которого я пришла, а значит, самой настоящей. Иногда, поднося ее к ноздрям, я улавливала фантомные запахи, с которыми приходили отголоски быстрых воспоминаний.

Я слышала топот копыт и мужской смех, чувствовала на коже яркий солнечный жар, а в волосах — прохладный ветер. Я обнимала кого-то за плечи и зарывалась в волосы цвета темного каштана, расколотого и почернелого от времени. Все это казалось далеким прекрасным сном, в котором мне хотелось остаться навечно.

Ничто хорошее вечно не длится, тем оно и бесценно.

Мы считали Жатвы уже по привычке, полосуя отвесную скалу тонкими зарубками, и каждый из нас оставлял свои отметины. Они были единственными свидетелями, словно говорящими: они были здесь, они были настоящими, они были живыми.

Я с трудом нацарапала куском острого камня одиннадцатую линию и, бросив его на землю, отряхнула руки. В эту Жатву мы двигались в обход другой группы, жившей у западной точки скал. С этими людьми мы были незнакомы. Сблизиться нам не давали. Лес, будто живой, путал тропы и постоянно менялся, подчиняясь только воле Охотников. Для нас было бесполезным запоминать направления: лес в одну Жатву не походил на лес в другую; мы пытались составить карту местности, но все было тщетно.

К тому же Конни и Майкл рассказывали, как иногда жертвы подставляли друг друга, чтобы выжить и отвлечь внимание убийц от себя, и мы считали, что сближаться с другими опасно. Меня учили не доверять никому. Словам друзей я покорно внимала, но вспоминала ту девушку с темной косой, увитой серебряными нитями ранней седины: девушку, которая вступилась за меня перед Палачом, а после, подчинившись ему, не по своей воле ушла. Я не питала к ней плохих чувств. Она хотя бы пыталась спасти меня, и мы обе понимали, что сделать она ничего не могла. Но одно мучило меня: почему он не убил ее? Каким секретом она обладала, если один из страшнейших убийц Овхары не тронул ее, а просто прогнал? Я пробовала осторожно разузнать о ней у Конни, но она не знала, о ком шла речь. «Ни один убийца никогда не отпускает своей жертвы», — твердила она недоверчиво. Но не привиделась же мне та незнакомка? Увы, больше мы не встречались, и со временем о ней пришлось забыть.

В то время мы шли близ ручья Кикапо — места, где орудовал жестокий и быстрый Барон Суббота. Бороться с ним было бесполезно. У нас не было ни оружия, ни цели победить, так что расправиться с ним мы не смогли бы. Потому мы решили обойти его стороной и сбежать. Кикапо отделял прерию от леса, и сердце мое билось в горле, ведь в эту Жатву мы прошли так далеко, почти до границы двух территорий! О том, что в прерии охотились убийцы еще более опасные, я старалась не думать.

— Держись близ меня, — шепнула Конни, двигаясь между омертвевших черных деревьев.

Лес становился все прозрачнее, и я заметила где-то там, сбоку от нас, как в глубине чащи скользили другие выживальщики со склонов горы. Я не пыталась помочь им или подсказать выход к ручью: никто из них тоже не помог бы мне. Я видела их неясные тени в мглистом тумане, только и всего. Потом вдали послышался сдавленный крик, и одного из них не стало.

— Он может появиться из ниоткуда, — сказала Конни и махнула мне рукой, исчезая в белесой пелене. — Идем.

Сначала нас было трое, но Майкл пропал из виду, то ли не пожелав идти с нами, то ли вынужденный отстать. Все в лучших традициях — разделись с друзьями по несчастью и будь убитым в два раза быстрее!

Конни бесшумно кралась между черных деревьев в отдалении, я неотступно следовала за ней. Туман стлался по мшистой земле широкими полосами, похожими на морские волны, и нас захлест-